

С того дня, как сыновья Фэн У вернулись с рассказами о странном заклинателе в белом прошло уже несколько лет, и князь даже успел позабыть об этом. Мало ли на свете бродячих заклинателей и стоит ли обо всех переживать? В конце концов, не каждый из них несёт угрозу и никто не виноват, что в силу своего тёмного прошлого у южного князя подозрительное отношение вообще ко всем выбивающим из колеи новостям. Но, возможно, не придав значения именно этому событию, Фэн У действительно просчитался.

Север — самый бедный из всех регионов, но даже там есть товары, которые можно предложить другим — травы, что невозможно вырастить в других условиях, кроме сурового холода, большие запасы древесины. Добираться, конечно, непросто, но редкие торговцы иногда захаживают и среда их полнится слухами. Люди там настолько отчаялись, что любая протянутая рука помощи, несомненно, в состоянии произвести фурор. Фэн У считал себя неплохим правителем, и было лишь вопросом времени, когда эти слухи дойдут и до него.

Среди северян только и разговоров было об этом странном, неизвестно откуда взявшемся, Шуан-цзюне. Всё-то у него получается, и красив, и учтив, словно сам небожитель. И что хуже всего — слухи и людская молва ползли вьюновым растением, возгорались пожаром и даже южане уже говорили о нём с каким-то странным благоговением. Это выводило Фэн У из себя. Народ следует за тем, кого любит и почитает и этим человеком многие годы был Фэн Хуан — южане гордились, что в их правителе течёт его кровь. Не могло быть ничего хуже появления какого-то безродного бродяжки, волшебным образом способного пошатнуть вековые устои.

Фэн У покрутил в пальцах шпильку, принесённую Фэн Ся. Простой обломок ивовой ветви, тёмный и кривоватый. Могла ли Цин Юань ошибаться в своих пророчествах? Дерево хрустнуло, сжатое со злостью, и два неровных обломка упали к княжеским ногам.

Появление князя не только в гареме всегда вызывало фурор. Посещение им тренировочного поля также оказывало на солдат неизгладимое впечатление. Фэн У делал это нечасто, безоговорочно доверяя своему генералу, держащему всё под своим неусыпным контролем. Обычно визиты князя ограничивались быстрым обходом и короткими показательными тренировками, неизменно приводящими его в хорошее расположение духа. Солдаты южного войска всегда отличались завидной дисциплиной и прекрасной подготовкой и обычно Фэн У посещал их лишь тогда, когда ему требовалось поднять себе настроение.

Едва заметив издали приближающуюся фигуру в чёрном, Ю Линг поспешил выйти навстречу. Уже по походке можно было понять, что настроение у князя крайне скверное. Пыль клубами вихрилась под его тяжёлыми шагами, полы одежд развевались на ветру — выглядел он не хуже разъярённого демона.

— Ваше Высочество, — сказал он, приветственно поклонившись. Репутация Ю Линга перед князем была безупречна. И хотя происходил он из очень низкого рода, Фэн У никогда не смотрел на него свысока, напротив, то, что он смог добиться таких высот упорным трудом, вызывало уважение.

Фэн У прервал его взмахом руки.

— Мои несносные сыновья. Где они?

Ю Линг напрягся. Обычно, когда князь проявлял повышенный интерес к собственным детям — это не сулило ничего хорошего. Как правило Фэн У мог прийти в ярость, в основном, от очередной выходящей за все рамки выходки Фэн Су. Мысленно прокрутив в памяти события последней недели, Ю Линг так и не смог припомнить чего-то подозрительного.

— Прямо сейчас должны быть на поле. Полчаса назад я отправил их тренироваться.

— И лучше бы им действительно это делать.

Обычно тренировки не проводились в часы особенного зноя, но правило это не распространялось на княжеских сыновей. По личному приказу Фэн У им, напротив, было велено особенно активно использовать именно это время для лучшей закалки выносливости. Нельзя, однако, сказать, что так они и поступали. Находясь на тренировочном поле, братья чаще прохлаждались в тени растущего совсем рядом персикового дерева до момента, пока генерал лично не всыпет им по первое число. Уже на подходе к полю, ожидаемо не замечая на нём никаких признаков бурной деятельности, Ю Линг понял, что это провал. Будучи человеком довольно мягкого характера, каким бы парадоксальным это ни было, он часто жалел молодых господ, закрывая глаза на многое. Рано или поздно должно было прийти время за это поплатиться.

Фэн У, и без того пребывая в ярости, вскипел окончательно. Долгие годы он тренировал собственную выдержку и терпение — не пристало правителю срываться и кричать у всех на виду по любому поводу, а потому гнев его был тихим — резкие движения, плотно сжатые челюсти и тяжёлый взгляд, без труда способный выжечь душу.

Заприметив приближающегося князя, Фэн Ся больно толкнул локтем задремавшего брата и резко подскочил, заранее склоняясь в почтительном поклоне. Фэн Ся не испытывал большой любви к отцу, его чувства едва ли вообще можно было назвать тёплыми, но благоговейное поведение тянулось корнями с самого детства. Будучи ребёнком, Фэн Ся не всегда понимал грубость отца в свою сторону и наивно полагал, что тот изменит своё отношение, если увидит, насколько хорошим он может быть — почтительным сыном, умелым воином, заботливым братом. Вся свою жизнь Фэн Ся стремился заполучить отцовское расположение, но годы шли и вместе с ними как песок сквозь пальцы утекала и надежда. Фэн У оставался холоден и непреклонен, а Фэн Ся, повзрослев, так и не смог избавиться от детской привычки заискивать перед ним.

Фэн Су же, напротив, всеми силами стремился вывести отца из себя в надежде, что тот, устав от его выходок, переключит внимание на кого-то другого. Находясь под гнѐтом безумного пророчества, он был бы даже рад быть изгнанным, опозоренным, каким угодно, лишь бы в будущем ему не пришлось становиться жертвой каких-то нелепых предсказаний. Показательно медленно поднявшись на ноги, Фэн Су даже не потрудился склонить голову хотя бы в подобии

поклона. Улыбка на его лице горела ехидством, Фэн Су надеялся, что обжигала она не хуже самой унижительной оплеухи.

Фэн У окинул их двоих долгим, вязким как расклённая смола, взглядом. Фэн У не был наивен — объективно, он не был хорошим отцом, но хотя бы его правление нельзя было назвать плохим. Он совершил много ошибок, принёс ещё больше жертв, но сейчас страна под его началом не испытывала ни трудностей, ни лишений. В глубине души ему бы хотелось быть лучше — в конце концов, какой родитель не желает любви и уважения от собственных детей. Но юноши перед ним давно выросли, мягкость к ним едва ли уже была своевременна.

— Ю Линг, — позвал он после долгих переглядываний с Фэн Су, — сколько здесь растёт это дерево?

Ю Линг окинул взглядом изящный ствол — кора, сухая и чуть сероватая, потрескалась от жары, раскидистая крона шелестела под налетевшим пустынным ветром, кое-где жёлтая от палящего солнца. Вспомнились времена, когда Ю Линг, будучи совсем зелёным солдатом, срывал с него розовые плоды — пушистые и мягкие, они всегда были сочными и до приторности сладкими. Много воды утекло с тех пор — Ю Линг принял командование, а дерево давно не даёт плоды.

— Думаю, около тридцати лет, Ваше Высочество.

— Сруби.

Казалось, уже в одном этом слове слышался взмах топора. Сжав кулаки, Фэн Су злобно посмотрел на отца. Он мог сколько угодно играть на княжеских нервах, но переиграть Фэн У едва ли был способен.

— Мне заняться этим сейчас? — Спросил Ю Линг, бросив печальный взгляд на раскидистую крону, в которой так ярко искрились солнечные зайчики.

Фэн У хмыкнул, сжав рукоять меча.

— Нет. Для начала хочу посмотреть, на что способны эти двое, раз они так беспечно позволяют себе прохлаждаться.

Фэн У никогда прежде не оценивал боевые навыки своих сыновей лично — в этом не было большой необходимости, а Ю Линг регулярно докладывал, что молодые господа вполне успешно справляются. Однако, появление загадочного бродячего заклинателя странным образом выводило Фэн У из себя. Он был силён, если судить по рассказам и слухам, и невозможно было понять, обернётся ли югу эта сила во вред. Больше всего на свете Фэн У не

терпел чувства неопределённости — возможно, сказались события прошлого, но по мнению князя, они непременно должны были быть готовы к любому исходу. И что-то подсказывало ему, что в этот самый момент они не были.

— Фэн Ся, — остановившись в центре тренировочного поля, Фэн У бросил испытующий взгляд на своего старшего сына. Рука легла на горящую на солнце золотую рукоять меча в форме остроклювой головы феникса, — какова задача солдата?

Фэн Ся проследил его движение, споткнувшись взглядом об искрящиеся рубины — глаза феникса — две застывшие капли крови.

— Подчиняться приказам своего генерала и беспрекословно их выполнять.

Фэн У хмыкнул и уголки его губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки. Меч с шелестом покинул ножны и стальные блики рассыпались по земле как крошево жемчужного перламутра. Вид этого меча всегда вызывал в Фэн Ся странные чувства. Сюэ дин[1]. Изящный цзян[2], пронзивший сердце его матери.

— Какова же задача генерала?

В настоящем бою Фэн У не сражался уже много лет, но рука, отнявшая жизнь хотя бы раз, никогда не забудет движений. Со свистом разрезав тяжёлый жаркий воздух, меч широким взмахом замер возле бедра как пёс готовый к атаке.

— Привести войско к победе и защитить своего государя любой ценой. — Сжав древко копья до побелевших костяшек, Фэн Ся встретил взгляд отца — тяжёлый, тёмный как зарево кровавого заката над полем недавней битвы.

Воздух раскалился до предела. Казалось, выбей искру, скрестив мечи, и пламя, что разгорится за секунду, невозможно будет остановить. Наблюдавший за всем этим Фэн Су вдруг осознал, что дело начало принимать серьёзный оборот. Военское дело никогда не входило в список его любимых занятий, но рука сама потянулась к мечу.

Фэн У выглядел как хищник, готовящийся к прыжку — прямая спина, напряжённая как тетива меткого лука; уверенный хват взметнувшегося в воздух меча; нога, медленно отведённая назад.

— В таком случае, — вновь заговорил он, глядя на Фэн Ся исподлобья. Голос его шелестел как песчаная буря — тихо, но разрушительно, — будь хорошим генералом. Ведь я вознамерился убить твоего государя.

Взметнулась пыль и жёлтое песчаное облако скрыло сорвавшегося с места Фэн У. Секунда и звон скрещённых клинков разбил мерную песню цикад, пролетел гулким эхом и растворился, подхваченный ветром. Фэн Су успел выставить меч почти в последний момент, застигнутый

врасплах неожиданно резким напором. От силы остановленного удара подогнулись в коленях ноги и сухая земля пошла тонкими, изломанными трещинами. Фэн Су стиснул зубы, вцепившись в рукоять так, что заболели пальцы. Отец возвышался над ним несокрушимой скалой, напирал необузданной бурей, словно и впрямь собирался убить.

— Где же ваш генерал, Ваше Высочество? — Ехидство в голосе Фэн У звенело скрежетом скрещённых клинков, когда взгляд его упал на неровные иероглифы имени меча Фэн Су.

Стиснув зубы, Фэн Су попытался вложить все силы в своё оружие, наваливаясь корпусом. Ноги, налившись тяжестью, взрыхлили утоптаный песок. Ситуация не просто злила — она приводила в бешенство. Фэн У улыбнулся — возможно, он не был хорошим отцом, но точно был хорошим воином, способным быстро оценить слабые стороны соперника. Фэн Су, вспыльчивый и легко впадающий в ярость, походил на него в юные годы — глупость на грани безумия.

Мечи разомкнулись. За долю секунды Фэн У слегка отступил назад, молниеносно перекрутившись через левое плечо Фэн Су, чтобы в следующий миг уже оказаться за его спиной. В каждом движении отточенная грация, благородная стать. Золотые фениксы на одеждах сияли так ярко, что слепило глаза.

Фэн Су, едва удержав равновесие, от неожиданности несколько раз мелко переступил вперёд. Будь это битва с настоящим противником, его бы давно пронзили насквозь. Но Фэн У выжидал — уверенный взгляд, замерший в воздухе меч, раскалённый на солнце настолько, что казалось будто лезвие превратилось в жидкое золото. Он готовился к новой атаке. Фэн Су был к ней готов. Уже выставив меч, полностью сосредоточившись, он удивлённо выдохнул, когда перед глазами промелькнула искра медных волос и спина Фэн Ся закрыла его от атаки.

— Постарайся в следующий раз не попасться так легко, Су-эр, — бросил он через плечо, крутнув копьё в воздухе, выставив вперёд блеснувшее остриё.

Фэн У хмыкнул. Резко сорвавшись с места, он поднырнул под копьё, чуть не выбив его из рук Фэн Ся. Лезвие меча впилося в древко, словно хищник острыми клыками в несчастную жертву. Шёпот Фэн У опалили ухо:

— Неплохая попытка. Но у меня тоже есть генерал.

Ю Линг, до этого лишь наблюдавший со стороны, появился будто из ниоткуда. Свист его меча прозвучал совсем рядом и Фэн Ся пришлось приложить немало усилий, чтобы отбросить меч отца и успеть отразить новый удар. Фэн Ся не любил подпускать противника близко и обычно копьё помогало ему в этом, но Ю Линг опытный воин, лишь немного уступающий князю. Он с лёгкостью обходил блоки, парировал размашистые удары и сражался будто бы играючи. Он даже не нападал, лишь умело отбрасывая Фэн Ся, мешая тому добраться до Фэн У. Фэн Ся всегда считал, что владеет оружием лучше остальных, но как бы он ни пытался, как бы хищно ни кружил по полю, любая его атака терпела крах. Это выбивало из колеи. Он совершенно ничего не мог сделать, пока Фэн Су, запыхавшись и покрывшись липким потом, сходил в явно неравном противостоянии с отцом.

Фэн Су не любил сражаться. Но так или иначе он умел это делать. Его мастерство не было высоким, но обычно позволяло ему продержаться какое-то время. До момента, когда более искусный брат решит проблему. Бросив быстрый взгляд на Фэн Ся именно когда тот оказался сбитым с ног довольно подлой подножкой, Фэн Су выругался сквозь зубы. Пот застилал глаза, растрепавшиеся волосы липли ко лбу, а на зубах противно скрипел песок. Помощь явно задерживалась. Не придумав ничего лучше, Фэн Су повторил приём отца — крутанувшись и оказавшись за его спиной, он быстро запрыгнул на меч, неустойчиво взмывая в воздух. Только так он смог получить хотя бы короткую передышку и размять затёкшие от непрерывной битвы пальцы. Сердце стучало где-то в горле, щёки пылали как раскалённые угли. Фэн У не жалел сил. Каждая его атака обрушивалась как наковальня, как песчаная буря. У Фэн Су не было ни единого шанса. Быстро оценив ситуацию, он направился в сторону сражающегося Фэн Ся, не отказав себе в удовольствии дерзко ухмыльнуться отцу.

Фэн У ожидал чего-то подобного. Разочарованно покачав головой, он выбросил меч в воздух, направив его вслед за Фэн Су.

Фэн Ся, заметив отцовский меч, явно нацеленный сбить Фэн Су, принял решение за долю секунды. Кувыркнувшись через наступающего Ю Линга, он метнул копьё, сбивая меч Фэн У с намеченного пути. Оставшись без оружия, спиной к противнику, Фэн Ся знал, что совершил ошибку. Не успев остановить новую атаку, Ю Линг слишком поздно заметил, что нападает на безоружного. Остриё меча пронзило левое плечо Фэн Ся, выбивая из лёгких сдавленный, рваный вскрик. Кровь брызнула горячими каплями, рассыпалась под ноги спелыми зёрнами граната, и алая пелена на короткое мгновение застлала взгляд. Ужас от осознания содеянного отразился в глазах Ю Линга — он не должен был превращать тренировку в настоящую битву, нельзя было позволять себе такую опрометчивость. Но воинский азарт так захватил его.

— Ся-гэ! — В ужасе вскричал Фэн Су, спрыгивая с меча, спотыкаясь в спешке.

Забыв в этот момент о собственном противнике, он тоже совершил ошибку. Спеша к раненному брату, он не заметил взметнувшиеся совсем рядом тёмные одежды и в следующее мгновение оказался сбитым с ног. Больно ударившись затылком, Фэн Су не сразу смог сфокусировать взгляд на приставленном к горлу мече, самый кончик которого, острый как жало пустынного скорпиона, упирался прямо в дрожащий кадык. Тяжёлая, обжигающая капля крови скатилась за воротник.

— Убиты. — Припечатал Фэн У. Голос его звучал хлётко и унизительно, как горячая пощёчина. — Оба.

Звонко вернув меч в ножны, он позволил Фэн Су подняться.

— Настоящий правитель должен быть готов потерять своего генерала, какие бы отношения их ни связывали, — сказал он, глядя на Фэн Су.

Бросив взгляд на Фэн Ся, прижимающего ладонь к кровоточащей ране, Фэн У тяжело вздохнул.

— А ты? Как ты собираешься занять место генерала с такими навыками?

Никогда прежде Фэн У не выказывал ни малейшей благосклонности к своему старшему сыну, но не приходилось сомневаться, что в этот самый момент это была именно она.

Не желая более продолжать разговор, Фэн У, взмахнув рукавами запылившихся в бою одежд, уже собирался покинуть поле. Но случилось то, чего не ожидал никто. В том числе и он сам.

На глаза легла кровавая вуаль.

Вкус палёного железа заполнил вязким сгустком рот.

Князь потерял сознание.

Комментарии и примечания:

[1] Сюэ дин — 血刃 — имя меча Фэн У. в переводе «кровавое жало».

[2] Цзянь — 劍 — древнекитайский обоюдоострый меч. Цзянь был не просто оружием, а символом благородства, чести и справедливости. Его носили чиновники, а также он был любимым оружием поэтов и даосских мистиков. Цзянь ассоциировался с прямоотой и честностью.

<http://bllate.org/book/14934/1323654>